
ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ Г. ГАРФИНКЕЛЯ И СОВРЕМЕННАЯ «ЭТНОГРАФИЯ НАУКИ»

А.С. Иванова

Кафедра философии

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
2-ая Бауманская ул., 5, Москва, Россия, 105005

В статье анализируется связь феноменологической социологии А. Шюца и этнометодологии Г. Гарфинкеля; рассматривается влияние идей Гарфинкеля на более поздние разработки ряда течений современной социальной эпистемологии — «ситуационных исследований» и «этнографии науки».

Ключевые слова: этнометодология, феноменологическая социология, социальная эпистемология, парадигма качественных исследований, постнеклассическая социология.

Профессор Калифорнийского университета Гарольд Гарфинкель имел возможность обучаться у самого Толкотта Парсонса. Его непосредственная близость к структурному функционализму тем не менее не мешает нам согласиться с Р. Коллинзом, объединяющим Э. Гуссерля, А. Шюца и Г. Гарфинкеля в рамках «социологии сознания» [4. С. 275]. При всей сомнительности самой терминологии Гарфинкель действительно, на наш взгляд, продолжает именно шюцевскую линию в социальной науке. И дело здесь не только в том, что в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке Гарфинкель прослушал лекционный курс А. Шюца. Речь о большем: о серьезной концептуальной преемственности разработок самого Г. Гарфинкеля в отношении «феноменологии естественной установки» А. Шюца. В подтверждение в принципе имеющей место «взаимной заинтересованности» структурных функционалистов и социальных феноменологов можно сослаться на переписку А. Шюца и Т. Парсонса [18].

Довольно часто применительно к этнометодологии используются категории «примитивных культур» и т.п., методы изучения которых переносятся-де на «современные общества». В этом видится заслуга Гарфинкеля. Заметим, что сам он нигде к «примитивному» не апеллирует (разве что можно утверждать, что для него эта оппозиция в принципе лишена особого смысла: нет «примитивных» и «непримитивных» обществ — внутри всякая социальная система нормальна). Так вот: дискурс «примитивных культур» не вполне уместен. Гарфинкель анализирует социальные порядки самых что ни на есть модернизированных обществ: «этно» означает не «примитивное» (в смысле архаического), но «повседневное».

«Этническими методами» он именуется повседневные практики по воссозданию и поддержанию социального порядка рядовыми агентами: «„Этно“ имеет отношение, так или иначе, к понятности для члена сообщества здравого смысла его сообщества как здравого смысла „самого по себе“... Это направленное изучение представлений члена сообщества о его обычных, повседневных делах, о его собственных инициативах, где эти представления рассматриваются как часть среды, окружающей человека, которую они также делают упорядоченным» [12. Р. 15—16].

Этой же интенцией пропитаны и классические «Исследования по этнометодологии».

Гарфинкель решителен в своем намерении порвать с традицией изучения «экстраординарных событий». Именно «повседневное» должно стать главным предметом социальных наук. Мир здравого смысла, согласно Гарфинкелю, «сущностно релевантен» социологическим построениям. Однако именно он долгое время оставался своеобразным «слепым пятном» социологии: «повседневное» если и признавалось, то не проблематизировалось должным образом. «То, что практические действия проблематичны, в известной мере до сих пор оставалось незамеченным; насколько они проблематичны; как сделать их доступными изучению; что мы должны узнать про них — все это вопросы, на которые предстоит ответить» [1. С. 42]. При этом Гарфинкель недвусмысленно указывает на заслуги А. Шюца, тематизировавшего данные вопросы для социологии: «Покойный Альфред Шюц — едва ли не единственный из всех социологов-теоретиков, кто в ряду классических исследований определяющей феноменологии мира повседневной жизни описал многие из этих видимых, но не замеченных фоновых ожиданий» [1. С. 48].

Итак, в центре внимания Гарфинкеля находится «ближайшее» и в силу этого «просмотренное» — «практические действия». При этом они выступают и предметом, и методологической базой социологии: никакие правила «практического» не могут быть получены извне, посредством апелляции к внеположной им реальности. Посему «адекватная демонстрация» есть описание в терминах самих действующих (фактически это постулат «субъективной адекватности» теории в работах Шюца). «Мир, принимаемый как данность» Альфреда Шюца Гарфинкель именуется «миром естественных фактов жизни». В понимании этих «миров» ученые едины: индивиды «снабжают выражением „это есть“ все, к чему обращается бодрствующее сознание; это — отправные пункты и точки возврата каждой модификации мира повседневной жизни, который достигается в игре, в мечтах, в состоянии транса, в научном теоретизировании или в возвышенной церемонии» [1. С. 46]. Повседневность, таким образом, не одна из «конечных областей смысла», но условие таковых. И анализироваться она должна не на уровне неких структур «досуга», «быта», но фоновых характеристиках. Именно фоновые ожидания есть универсальная схема интерпретации социального мира. Однако, чтобы увидеть их, необходима дистанция.

В свое время Альфред Шюц говорил о социальном «кризисе» как о ситуации, когда то, что не ставилось под сомнение, разумелось «само собой», неожиданно подвергалось «испытанию». Особенно опасен, полагал Шюц, «тотальный кризис» проблематизирующий и обесценивающий всю схему соотношения [10. С. 621]. Возможен также «частичный кризис»; он оспаривает «лишь некоторые элементы мира, принимаемого как данность» [10. С. 622]. На наш взгляд, можно утверждать, что производство таких «кризисов» станет своеобразным кредо этнометодологии.

Согласно Гарфинкелю, чтобы увидеть, как в норме воспроизводятся социальные структуры, необходимо нарушить этот порядок, необходимо «произвести и поддерживать путаницу, испуг и сумятицу, произвести социально структури-

рованные эффекты нервозности, стыда, вины и негодования и дезорганизовать взаимодействие» [1. С. 48].

Таким образом, это не проявления эксцентричности ученого, как это зачастую представляют в литературе [3. С. 75]: выявить «странность устойчиво знакомого мира», согласно Гарфинкелю, можно лишь намеренно отклоняясь от ожидаемого течения повседневных дел. И если ранее социология апеллировала к «аффективному», то в другом контексте: не рассматривала «фон общих пониманий», нарушение, которого, по Гарфинкелю, и ведет к нарушению привычных структур коммуникации.

Подтверждением данных тезисов могут служить многочисленные эксперименты, проводимые Гарфинкелем с помощью его учеников. Так, во время беседы студенты должны были сокращать дистанцию между собой и собеседником, максимально приближая лицо к испытуемому. Или им надлежало дома вести себя так, будто они в гостях и выступают сторонними наблюдателями, детально фиксирующими происходящее. Подобные «невинные» опыты производили разрушительный эффект. Этнометодологи тем самым пытались понять, что представляет собой «легитимная ткань общих ожиданий», видимая изнутри.

Перечень фоновых ожиданий, формулируемый Гарфинкелем, в значительной степени отвечает разработкам Шюца. «Индивид предполагает, что другой предполагает, и предполагает, что так же, как он предполагает, другой человек предполагает то же самое про него», а именно:

— контекст интерпретации события представляет собой в первую очередь область «известного всем»;

— «смысл» событий в значительной степени является продуктом речевой коммуникации;

— события воспринимаются в горизонте прошлого опыта, и в дальнейшем схожие события трактуются не иначе как по принципу «и так далее» и «я могу сделать это снова»;

— индивид также полагает, что событие может повлиять на свидетеля, равно как и он может влиять на него;

— индивид исходит из того, что «мое» описание события потенциально схоже с его интерпретацией другим членом социума, будь он «на моем месте» (у Шюца это «взаимозаменяемость точек зрения»);

— неизбежны ограничения в адекватности описания, накладываемые характером личного опыта и биографией наблюдателя («биографически детерминированная ситуация» в теории Шюца);

— индивид исходит из того, что подразумеваемое в принципе может серьезно отличаться от проговариваемого и это «личное знание» находится в ведении самого человека;

— имеет место своеобразная презумпция доверия: индивид изначально полагает, что свидетель события не лжет и ситуация описывается им исходя из «фактов», реального положения дел (чтобы обосновать это положение, Гарфинкель поручал своим студентам во время ведения разговора постоянно подозревать своих собеседников в неискренности, апеллируя к тому, насколько, по словам самих студентов, данная стратегия трудновыполнима). Заключительная характеристика

также может быть интерпретирована в перспективе теории Шюца как «соответствие систем релевантностей» [1. С. 66—67].

Перечисленные характеристики (список может быть несколько расширен) «видны, но не замечаются», именно они составляют необходимую почву коммуникации, ее общий фон. Задача исследователя в данной ситуации — создание специальных процедур, направленных на дестабилизацию привычных социальных структур как фоновых ожиданий. При этом сдвиг в поведении индивидов соразмерен первоначальному уровню понимания «естественных фактов жизни». Иными словами, имеет место определенная зависимость: чем более «общепринятыми» являются нарушаемые порядки, тем выше тревожность людей.

Согласно Гарфинкелю, стандартизация общих систем релевантности, давая индивидам критерии «нормы», побуждает их всячески содействовать восстановлению «порядка». Сошлемся в этой связи на еще один этнометодологический «опыт». Гарфинкелем проводился эксперимент, в рамках которого подставной психолог — при отсутствии визуального контакта — якобы консультирует испытуемого, односложно отвечая на его вопросы; при этом последовательность «да/нет» дана изначально, т.е. никакой реальной связи между вопросами и ответами нет. Однако в ходе исследования выясняется, что даже в случае очевидного расхождения характера задаваемых вопросов и получаемых на них ответов испытуемый всячески пытается найти тому рациональное основание, в большинстве случаев благодарит за советы, лишь изредка подвергает их сомнению и критике. Как отмечает Гарфинкель, ответы неизменно воспринимаются как «ответы-на-свой-вопросы». Ожидания от приема как от компетентной консультации «перекрывают» всю, казалось бы, абсурдность ответов.

Итак, «социальный порядок» представляет для этнометодологии интерес в качестве «стандартизированного порядка повседневной жизни», формируемого практическими, основанными на здравом смысле, действиями. Посему анализ «порядка» есть рассмотрение его невидимого фона — ожиданий, позволяющих участникам взаимодействия представлять свои поступки в качестве «разумных», «справедливых» и т.п. Повседневная практика организована действиями, идентичными объяснительным моделям, к которым прибегают индивиды для интерпретации ситуаций, т.е. «общество» реально лишь в качестве методов, используемых для его объяснения.

Таким образом, можно, на наш взгляд, утверждать, что социальное мыслится Гарфинкелем не на уровне инструмента реализации коллективных целей («договорная» теория Ю. Хабермаса, например), но и не в плане возможности достижения некоего общего горизонта понимания (герменевтическая традиция, интеракционисты), но скорее как страхование нас же самих от «бесконечного регресса интерпретаций» (выражение Г. Гарфинкеля).

В этой связи можно отметить следующее. Гуссерль, «разочаровавшись» в абстрактных моделях теоретической науки, обратился к «пред-данному», к миру человека как миру его ежедневного «озабочивания», пытался отыскать обетованную землю — «жизненный мир». Гарфинкель показал, сколь обманчива твердость и этой почвы, но как усердно люди пытаются противостоять ее иллюзорности.

Мы можем почувствовать всю хрупкость «общества», даже невинно спросив: «Что вы имеете в виду, когда говорите „как дела?“», но мы опасаемся подобных вопросов, предпочитая именовать их «детскими», в противном случае рискуем обнаружить конвенциональность всего нашего «очевидного», «несомненного», «достоверного».

Можно подвести предварительный итог в перспективе «феноменологической социологии». На наш взгляд, имеются все основания утверждать, что этнометодологический проект Г. Гарфинкеля есть непосредственное продолжение и развитие «феноменологии естественной установки» А. Шюца. Вслед за ним Гарфинкель обращается к социальному в том виде, в каком оно предстает рядовому агенту в его повседневной практике — «миру само собой разумеющегося». При этом, чтобы быть увиденным, этот привычный порядок должен быть «разрушен»: исследователь намеренно выключается из этого поля «известного всем», предстает «рассудительным идиотом». Здесь очевиден феноменологический мотив «сделать близкое незнакомым» — из работ Гуссерля и Хайдеггера мы знаем, что «ближайше подручному свойственно как бы прятаться в своей подручности, именно чтобы быть собственно подручным» [9. С. 69]. Принципом работы этнометодолога поэтому выступает систематический и преднамеренный обман ожиданий. Скандал, производимый нарушением этих фоновых правил, демонстрирует всю их значимость.

Теперь обратимся непосредственно к интерпретации Гарфинкелем «научного» — дабы обнаружить возможную связь с современной социальной эпистемологией.

В свете уже проделанного краткого разбора этнометодологии следующий тезис Гарфинкеля не покажется нам столь радикальным. И тем не менее: в качестве «рутинных практик», говорит исследователь, могут выступать равно и заговаривание воды, и работа в области теоретической физики [1. С. 43].

К подобной постановке проблемы он склонился после детального рассмотрения деятельности целого ряда учреждений: центра по предотвращению самоубийств в Лос-Анджелесе, клиники для психиатрических больных при Калифорнийском университете, коллегий присяжных и т.д. Все они — каждый на свой лад — озабочены поиском того, что есть «на самом деле». В своем анализе Гарфинкель стремится показать, что нет специфических для одних и отсутствующих у других функций: одни лечат больных, другие выносят приговоры. Все они равно воспроизводят структуру своей повседневной деятельности.

Так, предполагается, что работа медицинских учреждений подчинена врачебным и одновременно исследовательским задачам. Гарфинкель настаивает на том, что научная деятельность — это такая же практика, как и другие порядки больницы: научный отчет есть элемент повседневной клинической «рутины», т.е. не описание («научное»), но структура ее воспроизводства.

Проанализировав критерии отбора в амбулаторную психиатрическую клинику медицинского центра, Гарфинкель также приходит к выводу о связи документации и системы, обслуживающей эту документацию и обслуживаемой ею [1. С. 201]. Отчетность персонала больницы о работе по отбору кандидатов — неотъемлемая часть той системы, которую они должны объективно описывать;

часть институционально порядка, т.е. опять же она не столько служит интересам науки, сколько поддержанию устоявшихся форм больничной деятельности. Развивая свою мысль, Гарфинкель отмечает: «клиническая карьера» больного, его шанс быть принятым на лечение зависят не от объективных медицинских показаний, но скорее от возможностей его излечения, уверенности врачей в том, что конкретный случай не нанесет урона их репутации — «прогностические критерии тождественны критериям отбора».

Тем самым история болезни, равно как и, скажем, вердикт присяжных формируется ее прочтением. Исследовательская деятельность «подчиняется деятельности, посредством которой гарантируется качество и жизнеспособность клиники как учреждения сферы услуг» [1. С. 216]. Это не означает для Гарфинкеля того факта, будто научная работа проводится из рук вон плохо.

Схожей интерпретации может быть подвергнута деятельность присяжных заседателей — им также, как и ученым, надлежит заниматься выяснением того, что «в действительности произошло», что есть «факт», а что таковым не является. Всякий человек «на 95% присяжный», иронично замечает Гарфинкель, — разница лишь в том, что, выступая в этом качестве, индивид рассматривает происходящее как «объективную ситуацию», для разрешения которой возможно единственно верное решение. Гарфинкель стремится показать, что — как и в случае больничного лечения — разбирательство по делу есть неотъемлемая составляющая манипуляций спорящих сторон. Тем самым, подчеркнем еще раз, он отнюдь не утверждает, что приговоры выносятся «не объективно», «пристрастно». Речь о другом: до осуществления выбора нет никакой рациональной стратегии поведения. И присяжный может пересмотреть основания своего решения, все равно пребывая в уверенности, что они «верны».

В результате этих «полевых» исследований Гарфинкель приходит к убеждению, что деятельность различных учреждений, в том числе и научных, правомернее анализировать на уровне рутинных для них практик, а не исходя из функционального «разделения труда» (подход классической социологии).

Этот мотив — «не-специфичность» науки в ряду других видов практической деятельности, — как представляется, один из важнейших для ряда направлений современной социальной эпистемологии. Для ее характеристики в настоящий момент все чаще исследователи прибегают к концепту «парадигма качественных методов». Так, отечественные ученые А.С. Готлиб [2] и В.В. Семёнова [7], во многом солидаризируясь с работами Н. Дензина и И. Линкольна [11], говорят о «качественных методах» как об области междисциплинарных исследований в социально-гуманитарных науках. Исторически первой (в 1967 г.) возникает так называемая «обоснованная теория» Б. Глезера и А. Страусса [13] (на русский язык переведена книга Страусса, написанная в соавторстве с А. Корбин [8]). Помимо «grounded theory», к «качественному» направлению, как правило, причисляют «этнографию науки» (К. Кнорр-Цетина, Б. Латур), case-studies (Б. Барнс, Д. Блур, М. Малкей) и более специфические «историю жизни» (life story) и некоторые другие. Знаковая работа социальных эпистемологов датирована 1984 г.: «Научная рациональность: социологический поворот» [17] (в ней знаменитая статья Д. Блура «Сильная про-

грамма в социологии знания»). Работы «этнографов науки» также появляются в конце 1970 — начале 1980-х гг.: К. Кнорр-Цетины [14], Б. Латура [15].

Все они так или иначе сориентированы на изучение науки как практики: не в плане «практического применения» или «эмпирического характера проверки ее результатов», но как социальной практики.

Так, Б. Латур и С. Вулгар в середине 1970-х гг. изучали в том числе деятельность Калифорнийского биологического института; результатом работы стала «Жизнь лаборатории: социальная конструкция научных фактов». «Лабораторными» изысканиями знаменита и К. Кнорр-Цетина — в 1983 г. выходит ее «Этнографическое изучение научного труда: к конструктивистской интерпретации науки».

Научное открытие не открывает природную зависимость, но создается самой практикой исследований — такова перспектива науки как «стройплощадки», а не подвалов с мумифицированными «законами» [5. С. 365]. Конструктивизм заземляется «повседневным»: наука предстает не продуктом уникального творческого гения (в духе немецких романтиков), но вполне обыденной рутинной практикой. При этом само «научное» зачастую рассматривается «этнографами» как «побочный продукт» работы исследовательских учреждений.

Анализ «жизнедеятельности племени ученых» (выражение Кнорр-Цетины) предполагает рассмотрение не только деятельности самих носителей экспертного знания, но и всех вспомогательных служб науки — от производителей оборудования до издателей, — все они равно создают науку.

Изменяется и масштаб исследований. Кнорр-Цетина говорит о социологии знания в модусе «микро»: знание не продуцируется обществом как целым или его институциями в интересах какой-либо социальной силы. Знание есть продукт взаимодействия на микроуровне. В этом контексте, полагаем, следует трактовать слова Б. Латура о «реванше Тарда у Дюркгейма» — перспектива «социологизма» должна иметь свои пределы.

Неправомерно поэтому считать «этнографов» наследниками классической социологии знания: будто, объяснив «обществом» религию, теперь это делают применительно к науке и технике (программа «исследований науки и технологии» Б. Латура). Задача социальной эпистемологии, отмечает Латур, не в том, чтобы продемонстрировать возможность существования принципиально иной физики или математики, но в том, чтобы показать многомерность мира [5]. И именно на уровне повседневных рутинных практик, убежден Латур, очевидно: невозможно дальнейшее разделение «науки» в перспективе «контекста обоснования» («объективное», «научное», «доказательное») и «контекста открытия» («субъективное», «нерациональное»).

Солидарны с тезисом касательно непродуктивности дальнейшего использования оппозиции интернализма—экстернализма и представители case-studies. Радикализация социологии науки в рамках «сильной программы» Д. Блура — это не «усугубление» классических версий (К. Маркс, К. Мангейм), но скорее отказ от их концептуализаций. Не доведенная до предела перспектива экстернализма, но оборачивание самой оппозиции «внутренних—внешних» факторов на базе си-

туационизма. Характерный пример — работа Э. Мак-Маллина «Рациональное и социальное в истории науки» [16]. Автором отвергается идея существования универсального «социального механизма» производства знаний (классовые интересы и т.п.) — условия всегда различны, и нам ничего не остается, как в каждом конкретном случае выяснять эти зависимости (отсюда и само название «case-studies»).

В этом контексте, на наш взгляд, уместно рассматривать «симметричный подход» Б. Латюра: если ранее философия науки исходила из принципа «или — или» (или открытие факта, или его конструирование), то Латюр настаивает на «и то, и другое» — научный факт и «искусственный», и «естественный». Отсюда — известный «вещизм» построений «этнографов». В попытке избежать крайностей тотальной социологизации реальности Кнорр-Цетина и Латюр будут говорить о необходимости «возвращения объекта» в науку. Не подменять полностью «вещи» конструктами общества — такова «физическая социология, но не социобиология» Б. Латюра.

Посему, рассуждая о преимуществах «социального конструктивизма» перед «фундаментализмом» («реализмом»), Латюр на собственное вопрошание «Что не так с конструктивизмом?» в свойственной ему ироничной манере ответит: «Все» [5. С. 366].

Повседневная реальная жизнь постоянно и неуклонно смиряет наше «научное» разведение «реального» и «сконструированного». Здесь становятся очевидны пределы как рафинированного философского «конструктивизма», так и позитивистского «реализма».

Ряд направлений современной социальной эпистемологии (в первую очередь «этнография науки» и case-studies) развиваются в перспективе, схожей с той, которая была заявлена в том числе Г. Гарфинкелем.

Позволим себе следующую характеристику. Этнометодологи и «этнографы науки» продолжают линию А. Шюца и социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана с той лишь разницей, что последние склонны были рядовых агентов социальных практик считать равноправными участниками «социального дискурса», в то время как Г. Гарфинкель и К. Кнорр-Цетина, напротив, в ученых видели скорее обывателей. Иными словами, имеют место разные векторы: либо мир здравого смысла становится привилегированным объектом изучения, либо наука низводится до уровня любой привычной практики (что не рассматривается как ее «разоблачение»).

Феноменолог А. Шюц, изначально определив науку в качестве *одной из* «конечных областей смысла», в свое время заметил: «Если рассматривать научную работу как сугубо человеческую деятельность, то от других видов человеческой деятельности она отличается только тем, что задает архетип рациональной интерпретации и рационального действия» [10. С. 75]. Этнометодолог Г. Гарфинкель его поддержал: необходимость модели научной рациональности обусловлена самим намерением действовать в соответствии с ней, поэтому она должна рассматриваться не в качестве изначально принимаемой посылки, сообразно с которой интерпретируется опыт, но как «эмпирически проблемный материал» [1. С. 307] — не объяснительный принцип, но то, что само подлежит разъяснению. Подобные

«разъяснения» привели его к выводу о том, что имеет место не описание «научных фактов», но воспроизводство самой практики научного (учреждения). Идею «фабрикации фактов» разделяют «этнографы» Б. Латур и К. Кнорр-Цетина.

При этом, отметим еще раз, «фабрикация» в их глазах этически нейтральна: настаивая на «неспецифичности» науки на уровне рутинно воспроизводимых действий, этнометодология и «этнография науки» отнюдь не пытаются ее дискредитировать. Напротив, наука сама загнала себя в угол, проводя непреодолимые границы между «экспертным» и «профанным», «реальным» и «сконструированным». Превратно истолковав «природу» в качестве «объективной», но «пассивной», обрела инонаучную ей «культуру» на «комедию ошибок» (выражение Б. Латура). Все это больше не работает. Как не работает и традиционная социология науки в духе «социологизма» Дюркгейма. Уже неуместно говорить, что наука обязана своим появлением и развитием скрытым силам «общества». Последнее невозможно, так как перспектива субстанции социального сменилась перспективой социальных отношений.

«Соглашательный» характер науки отнюдь не умаляет ее достоинства. Задача — понять природу этих конвенций. Разоблачительный пафос более не оправдан и должен смениться «кропотливым производством доверия» [5. С. 386] и не сулящей легкой победы работой по поддержанию хрупкой «реальности».

В рамках данной статьи нет возможности анализировать обстоятельно ни «этнографию» К. Кнорр-Цетины, ни «исследования науки и технологии» (science and technology studies — STS) Б. Латура, ни конкретные case-studies, ни «сильную программу» Д. Блура. С другой стороны, совсем обойти их вниманием также было бы неверно. Отметим, что, привлекая к рассмотрению этнометодологического направления анализ «этнографии науки», мы не стремились продемонстрировать «вторичность» последней: и Б. Латур, и К. Кнорр-Цетина в своих построениях оригинальны.

Обращаясь к формально не-феноменологическому, мы, как представляется, получаем возможность более адекватного понимания самой феноменологии. С другой стороны, своеобразные «линии притяжения» также важны для нас — в подтверждение существования некоего общего поля мысли, а соответственно, и теоретической оправданности концептуализации «социологической постнеклассики» [6].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007.
- [2] *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-групп, 2004.
- [3] *Ионин Л.Г.* Социология как non-fiction: О развитии этнометодологии // Социологический журнал. — 2006. — № 1—2.
- [4] *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. — М.: Территория будущего, 2009.
- [5] *Латур Б.* Надежды конструктивизма // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М.: Территория будущего, 2006.
- [6] *Микешина Л.А.* Тенденции развития эпистемологии социального и гуманитарного знания // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. — СПб.: Мирь, 2009.

- [7] Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. — М.: Добросвет, 1998.
- [8] *Страусс А., Корбин Д.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. — М.: УРСС, 2007.
- [9] *Хайдеггер М.* Бытие и время. — СПб.: Наука, 2006.
- [10] *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004.
- [11] *Denzin N., Lincoln Y.* Introduction: Entering the Field of Qualitative Research // Handbook of Qualitative Research / Ed. by N. Denzin and Y. Lincoln. — Thousand Oaks: Sage, 1994.
- [12] *Garfinkel H.* The Origins of the Term «Ethnomethodology» // Ethnomethodology / Ed. by R. Turner. — Baltimore: Penguin, 1974.
- [13] *Glaser B., Strauss A.* The Discovery of Grounded Theory. — Chicago: Aldine Publishing, 1967.
- [14] *Knorr-Cetina K.* The Ethnographic Study of Scientific Work: Towards a Constructivist Interpretation of Science // Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science. — London: Sage Publications, 1983.
- [15] *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts. — London: Sage Publications, 1979.
- [16] *McMullin E.* The Rational and the Social in the History of Science // Scientific Rationality: The Sociological turn / Ed. by J. Brown. — Dordrecht: Reidel, 1984. — P. 127—163.
- [17] *Scientific Rationality: The Sociological Turn / Ed. by J. Brown.* — Dordrecht: Reidel, 1984.
- [18] *The Correspondence of A. Schutz and T. Parsons / Ed. by Richard Grathoff.* — Bloomington; London: Indiana University Press, 1978.

ETHNOMETHODOLOGY OF H. GARFINKEL AND THE MODERN “ETHNOGRAPHY OF SCIENCE”

A.S. Ivanova

Philosophy Chair

Bauman Moscow State Technical University
2-nd Baumanskaya, 5, Moscow, Russia, 105005

The article analyzes the relationship between the phenomenological sociology of A. Schutz and ethnomethodology of H. Garfinkel; the author examines the influence of Garfinkel’s ideas on some later developments in a number of trends in contemporary social epistemology — “case studies” and “ethnography of science”.

Key words: ethnomethodology, phenomenological sociology, social epistemology, a paradigm of qualitative research, post-non-classical sociology.